Новая книга Галины Умывакиной — десятая по счету, можно сказать, юбилейная. Искренняя, исповедальная, автобиографичная. И к тому же — большая: включает в себя стихи разных лет, в том числе, и новые, читателю ранее не известные. Стихи расположены не в порядке их возникновения, а разделены на циклы и подчинены логике поэтического заявления. Программные — вынесены в начало очередного цикла. Четко продуманная композиция обязывает к полноте самовыражения. Мысль развивается по собственной логике: от общих раздумий к частностям жизни, от всеобъемлющего — к домашнему… Не просто очередная книга, а своеобразный поэтический манифест, заявление, даже в какой-то степени итог. Раскрывается автобиографическая, но и — что важнее — духовная сторона личности автора, раздумья над жизнью и миром.

Стих точен, ритмически выверен, почти без переносов, звучит естественно, не обременен сложными метафорами. Ощущение, что стихи даются поэту без утомительной погони за словом, самостоятельно выливаются на бумагу, рождаются готовыми, в полной форме, как

Умывакина Г.М. Птица Галя. Сборник стихов, — Воронеж, 2019. — 208 с.

Афина из головы Зевса... Строки не столько просятся в цитату, сколько требуют нового возвращения к тексту.

Свое поэтическое призвание Галина Умывакина воспринимает не как дар, а как долг, как наложенную на нее обязанность:

И младенческий лепет
проснувшейся рощи осиновой,
и глаголы времен,
и земли материнской язык
коль взялась понимать,
до последнего слова осиливай,
коль впряглась в этот воз —
до последней версты довези.

К тому же «Птица Галя» — очень женская книга, не в том смысле, в каком это слово несет в себе оттенок некоего высокомерного снисхождения. Просто в книге Умывакиной мир увиден глазами Женщины, и стихи чаще всего посвящены ее судьбе. В XX веке русская поэзия выдала миру многих поэтов-женщин. Две из них просто гениальные. Галина Умывакина хорошо их знает, чувствует, любит, вспоминает в стихах, использует их строфику, ритмы. Но им не подражает. Она иная, и упрямо настаивает на своей инаковости. Слова «поэтесса» не стыдится. Порой и вовсе именует себя «*поэткой*». У нее собственная шкала ценностей. Голос — тоже свой, незаемный. Негромкий, но чистый. Заставляет вслушаться. Ее «*босоногая*» муза сторонится пафоса, стихи не терпят лжи, выдумки, ретуши. Она поет о жизни простой, не чуждается просторечия. У нее мы не найдем ни «лиловеющего шелка», как у Ахматовой, ни «листочков вееров поблекших» Цветаевой. Напротив, как вызов, звучат слова, обращенные к женщине: «*И век подряд резиновые иль кирзовые да ватник — вот он твой наряд*»...

Женская судьба выступает зеркалом всей исторической судьбы страны. Русская женщина, из века в век в тяжком труде, терпеливо и неустанно обустраивающая жизнь — главный объект раздумий и забот поэта. Опять же, не какая-нибудь Клеопатра, Мелхола, Кассандра или Федра, а — баба Настя с ее «*натруженными руками*» и в кирзовых сапогах... Такая, простая, может быть, и грешная, но работящая, свой крест несущая без ропота, «*пока неторопки, от воли, да от пьянки проспятся мужики*». Вспомним еще и прекрасное стихотворение «Грешница», антологическое по сути. В этой очевидной оглядке на традицию ощущается установка на некое символическое самовыражение, слегка архаично-традиционное, но глубинное. Это — верность истокам. И «кирзовые сапоги» — лишь пластическое воплощение этой установки, знак: я ***с ними, с простыми бабами***.

Наш век глобален, но поэтическая топография в книге ограничена Россией, ибо «*что за прок в чужих народах*». Поэтому там и «*пейзаж неброский*»: бескрайние равнины, хаты под камышовыми крышами, полынь да чертополох... Никакого эстетизма... С «*вышки времени*» виден трагически трудный путь родимой страны: «...*Что силушки, что кровушки угроблено — не счесть!*», «*Сколько пропили, да разбазарили, растащили по закромам*»... Осознание истории страны и ее современного состояния сообщает лирическому излиянию в книге Галины Умывакиной отчетливый гражданский акцент. Здесь личное и общее, свое и всечеловеческое — неразделимы.

По мере развития мысли поэтическое пространство сужается от родины-матери до пределов родного города, исхоженного, прочитанного, «*словно книга, много раз*». Даже великие имена и чужие строки в стихах — Бунин, Платонов, Мандельштам, Ахматова — связаны с родным городом. А за ним с очевидной непреложностью следует родной дом, семья — очаг постоянства, опоры, защиты. «*Пусть гомонят взыскующие града, а мне — покоя, дома, сада*»...

Это не узость поэтического горизонта, а, скорее, сознательное самоограничение. По природе своей оно **материнское**, когда главная забота сердца — семья. Не случайно здесь и ироническое самоопределение: «*курица-наседка*». Героический образ женщины-труженицы — символ. Неизбежные для образа лирического героя автобиографические и бытовые подробности совпадают с ним лишь отчасти. Реальность конкретного исторического момента корректирует символическую условность. Время меняет выражение лица эпохи. И тогда перед читателем возникает лирическая героиня — женщина мудрая, женщина добрая, внимательная. Она пишет стихи, коротая жизнь в общении с друзьями, «*в дыму табачном, на продавленном диване*», а то и просто бабушка, готовящая новогодний наряд для внуков, нежная, теплая, домашняя. Ведь семья — «*земной любви гнездо*».

Эмоциональная доминанта всех стихов книги — **любовь** в разных ее формах и проявлениях: Женских стихов без любви не бывает: «*любовь вначале, прочее — потом*»... К тому же: «*все дается отвагой и болью — и судьба, и любовь, и строка*»... Судя по пробивающимся намекам, мимолетным признаниям, поэту знакома и любовь как неожидаемое сближение родственных душ, порой греховное, чреватое разлукой, словом, «*любовь. внезапная, как вдох, безудержная, как рыданье*». Чего стоит, например, помещенный в финал книги загадочно недосказанный отрывок «Из истории одной душевной болезни»! Но этот мотив в книге не находит развития, а лишь приоткрывает неизвестные дотоле грани внутренней жизни лирической героини. Зато здесь много о дружбе, которая — тоже род любви. Умывакина умеет дружить и быть благодарной за дружбу. В многочисленных стихах-посланиях, написанных явно «по случаю» (поздравление, надпись на книге и пр.), неожиданно открываются моменты душевного состояния, обычно скрываемые от посторонних глаз. Случайность повода не исключает раздумий о главном в общении с душой дружеской, духовно близкой.

При всем этом самые проникновенные и наиболее «**личные**» стихи посвящены родным, семье. Каждому ее члену по отдельности: бабушка, мать, отец, муж — «*нашей жизни счастливой страница*». И, конечно, «*дочерний календарь*»: «*умная Маша*», «*резвая Аня*». «*Анин и Машин голосок, волосок, колосок*». Поименно названы и разноплеменные внуки (мир-то глобален!): Сонечка с книжкой, Глеб, Юнес, Алун. И слова о них тихие, нежные, трепетные:

Мальчики мои, поперечники,
Поутихли поближе к полночи.
Золотые мои бубенчики
звонкие мои колокольчики!

Какие пленительные строки!

В книге вообще много прекрасных стихов. Не имеет смысла их называть, надо просто взять ее и читать. В чем секрет их обаяния, сразу определить трудно. Они не поражают оригинальностью взгляда на мир. Скорее, напротив, — традицион-

ны. О том, что «есть женщины в русских селеньях», знает каждый и про «горькую детоубийцу-Русь» читали, и даже «колокольчики мои, цветики степные...» тоже помним... Знакомые темы, привычные образы. Однако, как ни странно, это не вызывает досады, напротив, радует, трогает, даже как-то умиляет. Чем? Извечностью главной коллизии? Тем, что «кони все скачут и скачут, а избы горят и горят»? Отчасти, конечно, да. Но это не главное. Обаяние стихов Галины Умывакиной, скорее всего, в душевном настрое, в особенностях авторской интонации. Доверительной настолько, что читатель проникается сочувствием, согласием, узнает в стихотворных строках собственные мысли и догадки. Так бывает, когда неизвестно откуда донесется знакомый запах или старая мелодия, и внезапно станет легко на душе. Это — радость узнавания, радость обретения того, что казалось потерянным.

Вслушаемся:

...А уйду, так закопайте
Под шиповником колючим,
Как у бабушкиной хаты,
как на той задонской круче.
<...>
Чтоб до самого мороза
Поздней ягодою красной.
Повторяла я сквозь слезы:
— Жизнь прекрасна, жизнь прекрасна!

Источник ясен и нескрываем. Но слова найдены свои, созвучные читателю, и давно знакомое предстает новым.

Стихам Галины Умывакиной свойственна та простота и открытость самовыражения, когда в поэзию на одинаковых правах входят раздумья о судьбах страны и повседневные, «домашние» заботы. Трагизм человеческого существования ей ведом, но это знание не застит взгляда, ибо *«унынье — грех»*... До боли знакомое, наше, русское, долготерпение не позволяет вселиться отчаянию. Напротив, сознание широты и разноречивости жизни вызывает только радость. Она половодьем заливает все стихи: *«Господи, как дивно и просторно в этом мире!»* — и вызывает почти молитвенную благодарность. За все: *«за версты нежности, за километры боли»*... Словом, *«жизнь желанна, и смерть не напрасна»*.

Не всем дается столь чистая, незамутненная радость бытия, а наше время очень в этом нуждается. Спасибо, Галя!